

**ЯЗЫК
КАК ФАКТОР ИНТЕГРАЦИИ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ
СИСТЕМ И КУЛЬТУР**

ВЫПУСК XII

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«БЕЛГОРОДСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАЦИОНАЛЬНЫЙ
ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ» (НИУ «БелГУ»)

ЯЗЫК КАК ФАКТОР ИНТЕГРАЦИИ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ СИСТЕМ И КУЛЬТУР

**Международная научно-практическая конференция
Сборник научных статей**

Выпуск XII

Белгород 2017

Ответственные редакторы:

Игнатова Ирина Борисовна – профессор кафедры русского языка, профессионально-речевой и межкультурной коммуникации, доктор педагогических наук, профессор (НИУ «БелГУ», Россия);
Своякина Людмила Фёдоровна – зав. кафедрой русского языка, профессионально-речевой и межкультурной коммуникации, кандидат педагогических наук, доцент (НИУ «БелГУ», Россия);
Безкоровайная Любовь Сергеевна – зав. кафедрой филологии, кандидат педагогических наук, доцент (ХНАДУ, Украина).

Редакционная коллегия:

Батана Жером – зам. директора по научной и международной деятельности института межкультурной коммуникации и международных отношений, доктор филологических наук, профессор (НИУ «БелГУ»);
Петрова Лилия Геннадиевна – доцент кафедры русского языка, профессионально-речевой и межкультурной коммуникации, кандидат педагогических наук, доцент (НИУ «БелГУ»);
Кулешова Раиса Владимировна – доцент кафедры русского языка, профессионально-речевой и межкультурной коммуникации, кандидат педагогических наук, доцент (НИУ «БелГУ»);
Абрамова Елена Сергеевна – доцент кафедры русского языка, профессионально-речевой и межкультурной коммуникации, кандидат филологических наук (НИУ «БелГУ»).

Язык как фактор интеграции образовательных систем и культур:

Я 41 сб. науч. ст. (по итогам международной научно-практической конференции) / под ред. И.Б. Игнатовой, Л.Ф. Своякиной, Л.С. Безкоровайной. – Белгород: «Политерра», 2017. – Вып. 12. – 258 с.

ISBN 978-5-9571-0373-0

В сборнике исследуются актуальные проблемы современной лингвистики и языковой прагматики. Анализируются вопросы межкультурной коммуникации в теории и практике преподавания русского языка как иностранного и проблемы языковой политики. Рассматриваются психолингвистические и психолого-педагогические основы обучения иностранным языкам, а также лингвометодические аспекты обучения русскому языку как иностранному.

Рекомендуется для преподавателей русского языка как иностранного, ученых-лингвистов, методистов, а также для аспирантов и магистрантов.

Коллектив кафедры русского языка и межкультурной коммуникации благодарит ООО «Ключи» в лице директора А.Г. Мартиросяна за финансовую поддержку публикации сборника.

Ответственность за достоверность изложенных фактов, аутентичность цитат, правописание, стиль и правильность оформления списка использованной литературы несут авторы, чьи статьи включены в настоящий сборник.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ЯЗЫКОВАЯ ПРАГМАТИКА И ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ЯЗЫКА

<i>Абрамова Е.С.</i> ТИПОЛОГИЯ КОНЦЕПТОВ В СОВРЕМЕННОЙ ЛИНГВИСТИКЕ	6
<i>Абрамова Е.С.</i> РОССИЯ В МАССМЕДИЙНОМ ДИСКУРСЕ: КОГНИТИВНО-ДИСКУРСИВНЫЙ ПОДХОД	13
<i>Бали-Фарукли Петер Дуэуль</i> НА КАРТАХ. АНАЛИЗ ПОВЕСТИ А.С. ПУШКИНА «ПИНКОВАЯ ДАМА» ПО МОТИВАМ АЗАРТНОЙ ИГРЫ	19
<i>Воробьева К.С.</i> КОНЦЕПТ «VIRTUE» В АНГЛИЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XVIII ВЕКА	28
<i>Дрожа М.А., Ци Гуаилин</i> СОСТАВНЫЕ СЛОВА В СОВРЕМЕННЫХ РОССИЙСКИХ МАСС-МЕДИА (на материале заголовков)	34
<i>Климова Ю.А.</i> ЯЗЫК КАК СПОСОБ ОТРАЖЕНИЯ ПОЗНАНИЯ: КОГНИТИВНАЯ ПАРАДИГМА (ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ)	40
<i>Махова А.А.</i> ВАРИИРОВАНИЕ ФОРМЫ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИХ ИНТЕРТЕКСТОВ В ЖУРНАЛИСТИЧЕСКОМ ТЕКСТЕ	45
<i>Нью Юн Фан</i> СПЕЦИФИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИИ СОВРЕМЕННОГО АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА	51
<i>Нью Юн Фан</i> ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ СИСТЕМА В АСПЕКТЕ ЛИНГВКУЛЬТУРОЛОГИИ	55
<i>Овчарова Мария, Дрожа М.А.</i> СОВРЕМЕННАЯ СЕРБСКО-ХОРВАТСКАЯ ПРЕССА: ТЕМЫ И ТЕМЫ (на материале заголовков)	59
<i>Петрова Л.Г.</i> ЦЕЛЕВОЙ ИНФОРМИТИВ В РУССКОМ И КИТАЙСКОМ ЯЗЫКАХ	63
<i>Петрова Л.Г., Мартиросян А.Г.</i> ПРИЧАСТИЯ В РОЛИ ОПРЕДЕЛЕНИЯ В ЯЗЫКАХ НА РЕДНЕНКАХ: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ И АНАЛИЗ	69
<i>Филиппов С.В.</i> ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ РУССКИХ ФАМИЛИЙ НА СОВРЕМЕННОМ АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ	74
<i>Чурило Тян Кан Ми</i> «СУПРУГА» – РАССКАЗ ВСЕХ ВРЕМЕН (науч. рук. Петрова Л.Г.)	81
<i>Чурило Тян Кан Ми</i> СПОСОБЫ ВЫРАЖЕНИЯ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ЗНАЧЕНИЙ В ЯЗЫКЕ РУССКОГО ЯЗЫКА И ИХ АНАЛОГИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ (науч. рук. Петрова Л.Г.)	84
<i>Чурило Тян Кан Ми</i> ПОЭТИКА ПОВЕДЕНИЯ В РАССКАЗЕ А.П. ЧЕХОВА	91

РАЗДЕЛ II. ЯЗЫК И ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА: ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ В МИРОВОМ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

Багана Ж., Блажевич Ю.С. К ВОПРОСУ О РАСПРОСТРАНЕНИИ ЕВРОПЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ НА ТЕРРИТОРИИ КАМЕРУНА	100
Багана Ж., Волошина Т.Г. ИСТОРИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ГЛОБАЛИЗАЦИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА В ШОТЛАНДИИ И ИРЛАНДИИ	104
Багана Ж., Куксова Е.Л. ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ ПОЛИТИКА ФРАНКОФОНИИ В ФОРМИРОВАНИИ КУЛЬТУРНОГО И ЯЗЫКОВОГО МНОГООБРАЗИЯ	109
Багана Ж., Раюшкина М.Е. СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ ПОДХОД К ИЗУЧЕНИЮ ПРОБЛЕМЫ БИЛИНГВИЗМА	114
Багана Ж., Родина Л.И. НАЦИОНАЛЬНЫЙ ВАРИАНТ ФРАНЦУЗСКОГО ЯЗЫКА В ШВЕЙЦАРИИ	119
Блажевич Ю.С. СФЕРЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЯЗЫКОВ В КАМЕРУНЕ	123
Волошина Т.Г. НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКОГО РЯДА «ЛИНГВОФОНИЯ», «АНГЛОФОНИЯ» В РАБОТАХ ОТЕЧЕСТВЕННЫХ И ЗАРУБЕЖНЫХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ	128
Волошина Т.Г. НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ АНГЛОФОНИИ (НА МАТЕРИАЛЕ АМЕРИКАНСКОГО ВАРИАНТА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА)	133
Коч К.И. КАТЕГОРИЗАЦИЯ ЯЗЫКОВ В ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ КОНГО (ДРК)	139
Коч К.И. ЯЗЫКОВАЯ ПОЛИТИКА В СФЕРЕ ОБРАЗОВАНИЯ В ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ КОНГО (ДРК)	144
Куксова Е.Л. ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СИТУАЦИЯ В АБИДЖАНЕ	149
Раюшкина М.Е. ОПРЕДЕЛЕНИЕ ПОНЯТИЯ «ДИГЛОССИЯ»	153
Родина Л.И. СПЕЦИФИКА ЯЗЫКОВОЙ ПОЛИТИКИ ШВЕЙЦАРИИ	158
Телешенко И.Н. ВЛИЯНИЕ ИНДЕЙСКИХ ЯЗЫКОВ НА ИСПАНСКИЙ ЯЗЫК ЛАТИНСКОЙ АМЕРИКИ (науч. рук. Наддел С.И.)	164

РАЗДЕЛ III. МЕЖКУЛЬТУРНАЯ КОММУНИКАЦИЯ В ТЕОРИИ И ПРАКТИКЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО

Лютцова О.В. ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ МЕРОПРИЯТИЯ КАК ФОРМА РАБОТЫ ПРИ ФОРМИРОВАНИИ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ИНОСТРАННЫХ ОБУЧАЮЩИХСЯ ПОДГОТОВИТЕЛЬНОГО ФАКУЛЬТЕТА	172
Стреланковская А.Д. К ВОПРОСУ УБРАНСТВА ДРЕВНИХ ПРАВОСЛАВНЫХ ХРАМОВ НА АФОНЕ	178
Субботина И.М. НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА	182

РАЗДЕЛ IV. ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ И ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ / РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Дрога М.А. ПСИХОЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ УСВОЕНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА	189
Самосенкова Т.В., Назаренко Е.Б. ИЗУЧЕНИЕ НЕРОДНОГО ЯЗЫКА ПО МОДЕЛИ ЕСТЕСТВЕННОГО РАЗВИТИЯ РЕЧИ В ОНТОГЕНЕЗЕ – ПУТЬ К ПОВЫШЕНИЮ КАЧЕСТВА ЗНАНИЙ УЧАЩИХСЯ	195

РАЗДЕЛ V. ЛИНГВОМЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ

Гончарова А.В. К ВОПРОСУ ОБ ИСПОЛЬЗОВАНИИ ИНТЕРНЕТ-КОНТЕНТА ПРИ ОБУЧЕНИИ РУССКОМУ ЯЗЫКУ КАК ИНОСТРАННОМУ	204
Евфимьева А.В. ОБУЧЕНИЕ ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ ВОЗВРАТНЫМ ГЛАГОЛАМ РУССКОГО ЯЗЫКА: СИСТЕМАТИЗАЦИЯ МАТЕРИАЛА (науч. рук. Петрова Л.Г.)	207
Карнаукова В.В. ПРОБЛЕМЫ ОБУЧЕНИЯ ЯЗЫКУ СПЕЦИАЛЬНОСТИ ИНОСТРАННЫХ УЧАЩИХСЯ НА НАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ	211
Карнаукова В.В. ПРОБЛЕМЫ ПАРОНИМИИ В АСПЕКТЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО	216
Клишина Ю.А. СТРАТЕГИИ УСПЕШНОГО ОВЛАДЕНИЯ НАВЫКОВ УСТНОЙ РЕЧИ НА МАТЕРИАЛЕ ЯЗЫКА СПЕЦИАЛЬНОСТИ (из опыта работы в Дечжоуском университете КНР)	224
Корсакова С.В. НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ПО РЕАЛИЗАЦИИ ДОПОЛНИТЕЛЬНЫХ ОБЩЕОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ПРОГРАММ НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ ДЛЯ ИНОСТРАННЫХ ГРАЖДАН	231
Клишина Д.В. РАБОТА С ВИДЕОМАТЕРИАЛАМИ КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ КОММУНИКАТИВНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ РУССКОГО ЯЗЫКА КАК ИНОСТРАННОГО	235
Чирякина М.Н. ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПРОЕКТНОГО МЕТОДА НА ЗАНЯТИЯХ ПО ИНОСТРАННОМУ ЯЗЫКУ (науч. рук. Савицкая Л.Ф.)	240
Чирякина О.М., Кулик С.С. ПРИМЕНЕНИЕ ОПОРНЫХ ЗНАНИЙ СТУДЕНТОВ ИНОСТРАНЦЕВ НА ЗАНЯТИЯХ ПО МАТЕМАТИКЕ И ФИЗИКЕ	244
Чирякина О.М., Кулик С.С., Елагина М.И. ДВА ОСНОВНЫХ ПРИЕМА РЕШЕНИЯ МАТЕМАТИЧЕСКИХ ЗАДАЧ ПРИ ОБУЧЕНИИ СТУДЕНТОВ ИНОСТРАНЦЕВ НА ЭТАПЕ ДОУВОЛНОВОСНОЙ ПОДГОТОВКИ	249

17. Пространство, параллельное ширине предмета: попереk + Р.п.

Она плывала попереk бассейна. *She swam across the pool.*

В заключение сделаем краткие выводы:

- в английском языке субъект с обозначением места часто связан с глаголом *to be*, в русском глагол-связка отсутствует;
- в русском предложении с перекрестным глаголом глагол, свободный от необходимости обозначать направление (на него указывает предлог), выражает движение и положение, не получающие специального обозначения в соответствующей фразе в английском языке;
- основной особенностью русского языка при обозначении положения предмета в пространстве является более широкое использование позиционных глаголов при ограниченном употреблении абстрактных, локальных и специфических.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грамматика русского языка [Текст] : в 2-х т. / АН СССР, Ин-т рус. яз. – М.: Изд-во АН СССР, 1960. – Т. 2, ч. 1: Синтаксис. – 702 с.
2. Владимирский Е.Ю. Выражение пространственных отношений при помощи предложно-падежных конструкций // Русский язык как иностранный: актуальные вопросы описания и методики преподавания. Сб. спецкурсов. – М.: Русский язык, 1982. – С. 87 – 118.
3. Зимняя И.А. Психология обучения неродному языку [Текст] : на материале рус. яз. как иностр. / И.А. Зимняя. – М.: Рус. яз., 1989. – 222 с.
4. Золотова Г.А. Синтаксический словарь: Репертуар элементарных единиц русского синтаксиса. – М.: Наука, 1988. – 440 с.
5. Игнатова И.Б., Петрова Л.Г. Обучение грамматическим основам русской речи Белгород: Изд-во Логия, 2001. – 480 с.
6. Янко-Гриницкая Н.А. Русская морфология. – М.: Рус.яз, 1982. – 240 с.
7. Ярцева В.Н. Контрастная грамматика. – М.: Наука, 1980. – 109 с.

ПОЭТИКА ПОВСЕДНЕВНОСТИ В РАССКАЗЕ А.П. ЧЕХОВА «ИОНЫЧ»

магистрант Юрачек Ката

Бенгрия, г. Будапешт, Университет им. Лоранда Этвеша

Повседневность представляет собой не только философскую и социологическую проблему, но она также поднимает вопросы в области теории искусства, в частности, литературы. В данной работе через призму повседневности мы анализируем рассказ А.П. Чехова «Ионыч» как литературное представление повседневности.

Ключевые слова: русская литература, русский реализм, повседневность, повседневность, Чехов, рассказ «Ионыч».

Everydayness is not only a philosophical and sociological problem, but it also raises certain questions in the field of theory of art, particularly in literature. In this article, through the prism of everydayness, we analyze the short story of A.P. Chekhov "Ionych" as the literary representation of everydayness.

Keywords: Russian literature, Russian realism, everydayness, non-everydayness, Chekhov, short story "Ionych".

SUPPORTED BY THE ÚNKP-17-2 NEW NATIONAL EXCELLENCE PROGRAM OF THE MINISTRY OF HUMAN CAPACITIES

Теория повседневности

В течение XX века уделялось большое внимание понятию повседневности и изучению повседневной культурной практики, однако точное значение данного понятия было определено учеными по-разному. Мартин Хайдеггер, подходивший к проблеме с философской точки зрения, утверждал, что существует тесная связь между повседневностью и *не-присутствием*, между повседневностью и *людьми* (das Man). *Середица* – «экзистенциальная сфера людей. Для людей речь в их бытии идет по сути о ней». Для этого способа существования, который Хайдеггер описывал как необходимый и неизбежный, характерна повседневность [2: 126–130]. По сравнению с Хайдеггером, определение Риты Фелски более конкретное и точное. Она рассматривает повседневность в двух аспектах. По ее мнению, повседневность,

с одной стороны, относится к ряду обыденных действий, которые также могут быть символическими, а с другой стороны, Фелски считает, что этот способ освоения, принятия мира вокруг нас, психическое состояние очень похоже на лунатизм. Последний аспект включает в себя привычки и рутинные автоматизированные действия, которые не требуют нашего активного внимания [4: 607–622].

Анри Лефевр использовал термин «повседневность» для иллюстрации критики модернизма, он подошел к этому вопросу с точки зрения социологии. По его мнению, разнообразие, характерное ранее, было уничтожено единообразием массового производства; функциональность – это то, что определяет все в нашем современном мире, повседневная деятельность только продукт этой функциональности [8: 7–11]. В противоположность этому почти ностальгический тон по отношению к периоду, который предшествовал модернизму, был высказан венгерским философом Агнеш Хеллер. Повседневность можно найти в каждой эпохе и в каждом месте, поэтому повседневность может быть (и должна быть) использована в качестве философской категории. Исследователь также обращает внимание на то, что, с одной стороны, само понятие является исторически изменяющимся, а значит, мы говорим о разных явлениях в разные эпохи, хотя его основная динамика остается неизменной. С другой стороны, Агнеш Хеллер указывает на то, что «явление может считаться присутствующим, где это было опознано» [5: 93–94]. Таким образом, данная концепция может являться основанием обобщения – повседневность не просто продукт модернизма, как утверждал Лефевр. По-видимому, это действительно важно, что *повседневность* всегда определяется в сравнении с *не-повседневностью*. По мнению Хеллера, различия между двумя категориями является эмпирически универсальной. Это устанавливает оппозицию между понятиями «будний день» и «праздник», «свой» и «чужой», и, возвращаясь к категории Хайдеггера, «автоматизированное существование людей» (в котором отсутствует саморефлексия) и «присутствие».

Повседневность в литературной теории

В области литературной теории русские формалисты являлись первыми людьми, которые выявили грань между *повседневностью* и *не-повседневностью* и считали её теоретической проблемой. Первооткрывателем этой темы является Виктор Шкловский, он оценил характер автоматизированной повседневности как отрицательный и считал искусство главным средством против этой автоматизации, призывая к его внимательному и сознательному принятию. Он также дифференцировал временные характеристики этих противоположных способов бытия: повседневность является длительной и постоянной, причем состояние рефлексивного принятия носит временной характер. Шкловский ввел понятие «*остранение*», которое как художественный прием дает предмету изображения странные черты, таким образом «увеличива[ет] трудность и долготу восприятия», следовательно, выбывает из повседневности [3: 7–23]. Однако повседневность существует и в искусстве, об этом пишет в своей работе о развитии литературных форм Юрий Тынянов. Он рассматривает литературу как динамическую систему, в которой некоторые формы становятся автоматизированными, а значит, обычными и повседневными. Это явление приводит к следующему: «1) по отношению к автоматизированному принципу конструкции диалектически намечается противоположный конструктивный принцип; 2) идет его приложение – конструктивный принцип ищет легчайшего приложения; 3) он распространяется на наибольшее количество явлений; 4) он автоматизируется и вызывает противоположные принципы конструкции». Противоположный конструктивный принцип «вырисовывается на основе «случайных результатов и «случайных» *выпадов, ошибок*» [1: 167–188]. Итак, исходя из этого, мы можем утверждать, что грань между *повседневностью* и *не-повседневностью* является проницаемой и гибкой: и рассматривая в контрасте повседневности и искусства, и сравнивая с внутренними принципами самого искусства.

Повседневность в рассказе «Ионыч»

Одним из самых известных писателей русского реализма был Антон Павлович Чехов, который являлся не только самым значительным драматургом своего времени, но и последним реформатором прозы XIX века. Рассказ «Ионыч» венгерский исследователь Каталин Кроо характеризует следующим образом: «такая часть новеллистики Чехова, которая могла бы быть в учебнике» [7: 42–60]. Главный герой, доктор Старцев, известен также как Дмитрий Ионыч. Сюжет следует за ним, показывая читателю пять разных сцен из его жизни в хронологическом порядке. В первой части он приезжает в губернский город С., после этого он знакомится с семьей Туркиных, во второй части, действие которой происходит через год после событий первой части, он встречается их опять, и в третьей части он пытается просить дочь Туркиных в жены, впрочем, безуспешно. В четвертой части они встречаются вновь (четыре года спустя), но в этот раз доктор Старцев не имеет никаких намерений в отношении этой женщины. В последней части (мы только знаем, что действие этой части происходит через несколько лет после предыдущей), мы видим, каким стал доктор. Кроо характеризует мир рассказа как изображение стабильного состояния «повседневной заурядности». Мы считаем особенно интересным, что, с точки зрения концепции, повседневность является отражением динамичного процесса, в котором новизна становится обычным делом, автоматизируется, и таким образом, становится частью сферы повседневной жизни. Итак, состояние, которое Кроо описывает как заурядное, используя модель Тынянова, можно интерпретировать как результат этого познавательного процесса. В то же время рассказ отличается от модели. Что касается главного героя – противоположный конструктивный принцип не появляется, поэтому автоматизированная форма не будет заменена новой. В изображаемом мире все персонажи и все обстоятельства становятся частями сферы повседневности, лишаются своих качеств, и новизна становится заурядной.

Семья Туркиных играет центральную роль в изображаемом мире, так как с самого начала повествования на них обращается повышенное внимание, по сравнению с другими персонажами. Членов семьи Туркиных в данном контексте можно считать интеллектуалами, по сравнению с окружающими. Все три члена семьи, даже их прислуга, имеют свои таланты. Все горожане смотрят на них как на образованных, приятных, умных и талантливых людей. В качестве примера рассмотрим таланты Туркиных: глава семьи, Иван Петрович, рассказывает анекдоты, шарady и поговорки, его жена, Вера Иосифовна, пишет повести и романы, а потом читает их своим гостям, их дочь, Екатерина Ивановна (ее прозвище Котик), играет на рояле. Они являются «экстрапримечательностью» города, их вечеринки и выступления находятся в сфере не-повседневности (праздника). Туркины с радостью берут на себя эту роль. Заглавный герой впервые появляется в изображаемом мире только после описания этой семьи. Он новенький в городе, поэтому для него каждое впечатление является новизной. Не только сам город (он живет в небольшой деревне рядом с ним), но и посещение семьи Туркиных приносит ему удовольствие. Представительный статус родителей и осознание ими своего статуса также выявляется из их разговора: они очень театральные, кажутся актерами, в то же время Ионыч и другие гости представляются зрителями. Несмотря на это, чувство новизны все еще сильное в этой части, поэтому основное настроение особенно приятно.

Первым, небольшим переломом можно считать момент, когда ожидание талантов семьи Туркиных встречается с «реальностью»: Ионыч сам слышит чтение романов Веры Иосифовны, игру Котика и анекдоты Ивана Петровича. Хотя диссонанс между ожиданием и реальными событиями ощущается, критика о таланте Туркиных снисходительна. Читателю кажется, что рассказчик является источником этой критической точки зрения, когда он говорит: «[Вера Иосифовна] читала о том, чего никогда не бывает в жизни, и все-таки слушать было приятно, удобно, и в голову шли все такие хорошие, покойные мысли, – не хотелось вставать». Следует отметить, что Ионыч –

внутренний фокализатор, следовательно, сюжет передается через его точку зрения, поэтому нарратор адаптируется к впечатлениям Ионьча. Что касается музыки Котика, хотя неприязнь Ионьча видна («Старцев, слушаю, рисовал себе, как с высокой горы сыплются камни, сыплются и всё сыплются, и ему хотелось, чтобы они поскорее перестали сыпаться»), впечатление переносится на приятной атмосферой, красотой девушки. Сфера повседневности (дом Туркиных) поражает его после переживания деревенской жизни: «смотреть на это молодое, изысканное и, вероятно, чистое существо и слушать эти шумные, надоедливые, но всё же культурные звуки, – было так приятно, так ново...». Итак, опыт кажется положительным, вытекает из положения Ионьча и из различного характера его повседневных переживаний. Вопреки вышесказанному, в рассказе становится очевидным, что искусство Туркиных не считается настоящим искусством, согласно принципам Шкловского. Зрители и слушатели в доме Туркиных обязаны терпеть эти спектакли, потому что так принято вести себя в гостях. Настоящего удовольствия на этих вечеринках никто не получает.

Во второй части становится более понятно, какое значение имеет искусство для этой семьи. К концу рассказа оно приобретает совершенно иное качество. Нужно отметить, что нарратив, вначале обращает одинаковое внимание на всех членов семьи, но постепенно сосредоточивается на дочери, Екатерине Ивановне. Это происходит параллельно с процессом, в котором Ионьч начинает интересоваться ею (и когда он теряет интерес, нарративный фокус снова рассматривает членов семьи одинаково). По причине того, что родители находятся на периферии нарративного фокуса, в этой части их таланты не имеют возможности реализоваться, поэтому положение искусства в изображаемом мире проявляется лишь в образе игры на рояле. Музыка не является особым случаем, как в начале рассказа, она перешла в круг повседневных забот, она совсем не поднимает настроение, наоборот, она уже стала монотонной и требовательной. Будни проводятся в духе подготовки к повседневности, к выступлению перед аудиторией. Как пишет Хеллер, ядра

повседневности, другими словами, *праздники* всегда и везде связаны с повседневностью, выраженным [б: 162–165]. В изображаемом мире произведения, только в начале можно говорить о вероятности настоящего искусства, даже в первой части видно отсутствие реакции на спектакль. Нет повседневного усвоения, в результате этого нет катарсиса. Во второй части повседневности, по-видимому, является частью повседневной жизни Туркиных, оно так же автоматизировано, как и любая иная повседневная деятельность. Художественный статус их талантов тоже сомнителен, поскольку они не вызывают никакой реакции среди зрителей, не призывают их задуматься о своей жизни. Туркины даже не оценивают свое «искусство», они живут в какой-то иллюзии, которая разоблачена только встречей с действительностью. Что касается Екатерины Ивановны, эта встреча имела для нее значение: она покинула родной дом, оставила его привычную среду и реализовала свою собственную бездарность. После своего возвращения, пережив разочарование, она не может вписаться в будни своей семьи. Интересно, что хотя к концу истории она может рефлексировать, ее предельная иллюзия заменяется другой, переоценивая Ионьча: «– Вы лучший из людей, которых я знала в своей жизни, – продолжала она. – Мы будем видеться, говорить, не правда ли? Общайтесь мне. Я не пианистка, на свой счет я уже не заблуждаюсь и не буду при вас ни играть, ни говорить о музыке». Изображение точки зрения Екатерины показывает динамический процесс: как повседневная деятельность, так и люди переносятся в сферу не-повседневности, и, наоборот, таким образом обращая наше внимание на то, что грани между двумя сферами гибкие и проницаемые.

Подобный процесс мы наблюдаем и при изображении характера Ионьча, хотя совершенно иным образом. Его жизнь абсолютно линейного характера: сначала он непрерывно растет, как в финансовом, так и в физическом смысле (к концу рассказа он и его кучер стали безмерно толстыми). Ощущение и переживание новизны сменяется привычкой на каждом уровне, все перемещается в сферу повседневности. Компания других людей, которая

раньше означала убежище от повседневной жизни, не доставляет Ионычу удовольствие. Несмотря на то, что он не согласен с ценностями окружающего, он регулярно встречается с ними. Окружающие стали частью его повседневной жизни: «Старцев бывал в разных домах и встречал много людей, но ни с кем не сходилась близко. Обыватели своими разговорами, взглядами на жизнь и даже своим видом раздражали его». Мы можем увидеть подобные трансформации в его отношении к еде, к карточным играм и даже в своих чувствах к Екатерине: сначала она оказалась источником радости, через некоторое время это стало привычным и потеряло свою важность. В отличие от Екатерины, после того, как он перестал быть в нее влюбленным, Ионыч не получает новую иллюзию: «За всё время, пока он живет в Дялиже, любовь к Котику была его единственной радостью и, вероятно, последней. По вечерам он играет в клубы и винт и потом сидит один за большим столом и ужинает. Ему прислуживают лакей Иван, самый старый и почтенный, подают ему лафит № 17». Он становится рабом повседневности и привычек, вырваться из этой среды он не способен. Хотя к концу рассказа он сам способен формулировать критические замечания по поводу талантов Туркиных («Бездарен, – думал он, – не тот, кто не умеет писать повестей, а тот, кто их пишет и не умеет скрыть этого», «А хорошо, что я на ней не женился»), на протяжении всего рассказа он остается неспособным исследовать самого себя, он избегает даже возможности самоосмысления. И так, Ионыч и Екатерина способны на разнообразные рефлексии, поскольку она может размышлять только о себе, а не о своем окружении.

В конечном итоге отметим, что используемая в рассказе «Ионыч» динамика повседневной жизни служит реалистичному изображению персонажей и осмыслению человеческой жизни в мире литературного произведения. При помощи модели Тынянова и через определение повседневности можно лучше понимать отношения в изображаемом мире.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тынников Ю.Н. Литературная эволюция: избранные труды. – М.: «Аграф», – 2002. –
2. Хайдеггер М. Бытие и время. – М.: «Ad Marginem». – 1997. – 452 с.
3. Шкловский В. О теории прозы. – М.: «Федерация». – 1929. – 267 с.
4. Pelski R. Introduction. – New Literary History. – 2002. – № 4. – С. 607–622.
5. Heller Á. A szégyen hatalma: két tanulmány. – Будапешт: «Osiris Kiadó». – 1996. – 349
6. Heller Á. A mindennapi élet. – Будапешт: «Akadémiai Kiadó». – 1970. – 333 с.
7. Króó K. A boldogság megtörténe (?) Csehov Ionics c. elbeszélésében (Műfaj, műnem, befolyásrendszer). – Filológiai Közöny. – 2010. – № 1. – С. 42–60.
8. Lefebvre H. Everyday and Everydayness. – Yale French Studies. – 1987. – № 73. – С. 7–